

Юньчжэнь-сяньцзунь известен уже тысячу лет, и, оказывается, он все еще...

Глава дворца Чиян всегда был грубым, и голос у него был громким.

Когда все услышали его слова, они пришли в дикий восторг. Госпожа Минчжу, рыдая, бесконечно благодарила его вместе с дочерью. Все обступили его, восхваляя за чистоту и благородство, призывая учеников учиться у него. В общем, говорили только хорошие вещи.

...

Мо Чанкун не умел рассказывать истории, и говорил сухо. Многие детали он вспоминал лишь благодаря подсказкам Ху Суя, и он еще хотел повторить похвалы, которые прозвучали в адрес его шизуна...

Лу Юньчжэнь слушал, и у него темнело в глазах.

Он думал, что это история его героических подвигов, а оказалось, это масштабная катастрофа!

Быть подростком-девственником нормально, двадцатилетний девственник – хороший человек, тридцатилетний девственник – честный человек, шестидесятилетний девственник – бедняга. А как назвать человека, который остается девственником тысячи лет?!

Неизрасходованная энергия Ян?! Это говорит о том, что он за всю свою жизнь ни разу не занимался самоудовлетворением?!

Публичная казнь! Какой позор!

Каждое слово восхищения, адресованное ему, на самом деле означало: «Все смотрите, здесь есть парень, который прожил несколько тысяч лет и ни разу не дрович!»

Представляя эту сцену, Лу Юньчжэнь едва не терял сознание, его уши покраснели до самого основания шеи. Он хотел оправдаться, сказать, что все не так плохо, но, вспоминая свои неудачи в этой жизни, он не мог найти убедительных доказательств.

Ху Суй рядом изо всех сил сдерживал смех.

Мо Чанкун не понимал всех этих человеческих интриг, и продолжал:

- Шизун очень смутился от похвал, его лицо покраснело. Он спрятался в комнате, сидел в углу и долгое время был в прострации, пока не убедился, что никто больше не обсуждает это, прежде чем выйти и обсудить дальнейшие действия.

- Ха-ха-ха! Вот умора! - Ху Суй не выдержал, принял свою истинную форму и начал кататься по полу от смеха.

- Что смешного! - Лу Юньчжэнь не выдержал вторую казнь. Он схватил подушку и со всей силы бросил ее в лису, а затем, весь красный, приказал Мо Чанкуну, - Я думаю, что история слишком длинная, больше не будем слушать... Уже поздно, все идите спать!

Мо Чанкун был озадачен и не понимал, что смешного в его рассказе.

Лу Юньчжэнь уже спрятался под одеяло и начал самовнушение:

- Спать, спать.

Мо Чанкун, видя, что шизун устал, схватил лису, который не хотел уходить, заставил его превратиться обратно в человека и вытащил из комнаты.

Ху Суй был ленивым и беспечным по натуре, и из-за своей природы лиса из Цинцю он часто привлекал к себе странных людей и демонов. В детстве, когда он был пушистым комочком, все за ним следили: то его волки утащат, то орлы в гнездо унесут. Став взрослым, он часто сталкивался с негодьями или попадал в ловушки.

Он был настоящей головной болью...

Хотя гора Чисяо превратилась в туристический объект, дворца Чиян больше не существовало, а у подножия горы выросли высоты, Мо Чанкун все еще беспокоился о способностях Ху Суя решать проблемы. Поэтому он тихо покинул курорт и отправился проверить запечатанную пещеру с энергией Инь.

Пещера находилась в глубине гор, на отвесной скале, и люди редко там бывали. Природные изменения и смена эпох стерли все следы прежних городов и деревень.

Печать, оставленная его шизуном, исчезла, но пещера в процессе природных изменений была засыпана. Энергия в этом месте иссякла, и янская энергия горы Чисяо ослабела, а отрицательная энергия пещеры стала слабой, оставив лишь несколько призрачных огоньков, которые были недостаточны для создания сильных демонов.

Все было в порядке. Здесь могли появиться только мелкие злые духи, но они не представляли угрозы.

В воздухе ощущался легкий сладковатый запах.

После смерти Пожирателя душ его кровь и тело пропитали эту землю, а под воздействием

отрицательной энергии пещера покрылась цветами Туолин. Эти зеленые цветы, напоминающие маленькие колокольчики, излучали слабое свечение. Раньше это было обычным делом, а теперь их больше не осталось. Лепестки можно использовать для создания успокаивающего благовония, а корни - для приготовления успокаивающего чая... Шизуну они очень нравились.

Мо Чанкун достал свой телефон и открыл книгу о современных растениях, чтобы убедиться, что Туолин не входит в список охраняемых диких растений. Убедившись в этом, он спокойно достал лопату и выкопал все цветы. Запах Туолин напоминал алкоголь и имел легкий галлюциногенный эффект, как будто слегка выпил, голова немного кружится, но через пару дней эффект полностью исчезает, не причиняя вреда организму и не влияя на повседневную жизнь.

Мо Чанкун часто помогал своему шизуну обрабатывать эти цветы, поэтому хорошо знал их свойства. Собрав их, он поместил цветы в свое пространственное хранилище, чтобы их запах не распространялся и не мешал людям. Операция прошла гладко.

Цветов Туолин было слишком много, их аромат опьянял. Внезапно он заметил на скале глубокий след от меча - след, оставленный его шизуном при убийстве Пожирателя душ... Далекие воспоминания вновь ожили. История и этот след меча глубоко отпечатались в его памяти, манящие и завораживающие, как цветы Туолин...

...

Глава дворца Чиян, заметив смущение Юньчжэня-сянцзюня, запретил всем его восхвалять. Госпожа Минчжу отправилась в его комнату и, кто знает как, но сумела его успокоить.

Шизун наконец-то преодолел свое смущение и набрался смелости выйти за дверь. Операция с приманкой прошла успешно...

В горах Чисяо водился особый вид огненных шелкопрядов, способных производить красные нити. Умелые ткачихи из этих нитей ткали ткань, напоминающую закатные облака, называемую «шелк чисяо», которую поставляли в бессмертные секты.

Пожиратель душ считал себя демоном, достигшим бессмертия. Его тщательно вымытые жертвенные дары не носили никакой мирской одежды, кроме шелка чисяо.

Чтобы избежать ошибок, дворец Чиян строго соблюдал все процедуры, пригласив мастериц по прическам из секты, которые получили строгие указания подготовить жертвенные дары как можно более аппетитными и привлекательными.

Юньчжэня-сянцзюня заставили войти в комнату, где его начали готовить и причесывать. Время от времени оттуда доносились смешки и протесты:

- Нет, нет, мне неудобно это носить.
- Будьте хорошим, это красиво.
- Эй, не мажьте мне лицо, я же не девушка.
- Будьте хорошим, это красиво.
- Нет, я не хочу носить украшения.
- Будьте хорошим, это красиво.
- Мои ученики будут смеяться надо мной!
- Будьте хорошим, это красиво».

Раньше шизун точно так же заставлял мыться Мо Чанкуна. Колесо фортуны повернулось, и вот оно возмездие... Мо Чанкун стоял у двери, злорадно сдерживая смех.

Сяньцзы возились с ним больше часа, наконец закончив и отправившись к главе дворца с докладом. Мо Чанкун ворвался в комнату, воспользовавшись возможностью посмеяться над своим шизуном.

Шизун сидел перед бронзовым зеркалом, смущенный до такой степени, что почти не смел поднять голову.

Длинная одежда из шелка чисяо свисала с него тяжелыми многослойными складками, похожая на обжигающее пламя, еще больше подчеркивая его белоснежную кожу и черные как чернила волосы. Узкий пояс, украшенный различными кристаллами, держал красную нефритовую подвеску с изображением звериной морды. На голове у него была золотая корона с подвесками в виде жемчужин, чуть пошевелишься - жемчужины начинали слегка покачиваться.

- Это слишком вычурно, - тихо жаловался шизун. Он привык к простоте и никогда не носил таких роскошных нарядов, поэтому чувствовал себя крайне неудобно. Он тихо спросил, - Чанкун, я не выгляжу странно?

Мо Чанкун удивленно застыл.

Чтобы жертва выглядела как беззащитная добыча, сяньцзы изо всех сил старались стереть всю его суровую ауру. Красивые глаза персикового цветения подчеркивала ярко-красная линия из

киновари, придавая ему еще больше соблазнительности.

У Мо Чанкуна пересохло в горле, а внизу живота ощутилось жжение. Это чувство было ему знакомо, но никогда оно не было таким сильным. Ему казалось, что его сердце царапают кошачьи лапки, и этот зуд причинял дискомфорт. Он хотел разорвать эти соблазнительные одежды, уничтожить все вокруг.

Он так голоден... так хочет съесть...

Но он не знал, чего именно он хочет, и как это получить... Неудовлетворенное желание усиливало его раздражительность, заставляя его хотеть атаковать, разрушать и разрывать стоящего перед ним человека.

- Чанкун? - шизун заметил его потерю контроля над демонической энергией и подошел ближе, обеспокоенно спросив, - С тобой все в порядке?

Теплые пальцы коснулись его ледяной щеки.

Красные рукава источали легкий сладкий аромат.

Звук подвесок тихо разносился в ушах.

Четыре из пяти чувств потеряли контроль, а виновник, вызвавший его смятение, в неведении продолжал говорить, произнося его имя, словно дьявольский шепот, который затягивал его в бездну.

- Чанкун, контролируй дыхание.

- Чанкун, тебе нужна помощь?

- Чанкун...

Мо Чанкун сильно зажмурился и несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, наконец, сумев взять под контроль демоническую энергию и подавить странное беспокойство в своем сердце. Затем он медленно открыл глаза:

- Со мной все в порядке.

Шизун осмотрел его и успокоился.

Мо Чанкун тихо сказал:

- Шизун, ты выглядишь странно...

- Я говорил, что не хочу этого, но они настаивали, сказали, что это модно в мире бессмертных, все так одеваются, - шизун был в крайнем смущении и начал неуклюже объяснять, - Полная чушь, бессмертные с другой стороны горы Юньмэн так одеваются, они больше всего любят красоту, совсем не по-мужски...

Мо Чанкун долго смотрел на шизуна, а затем не выдержал и протянул руку, чтобы стереть киноварь с уголков его глаз.

- Полегче, — шизун поморщился от боли и осторожно спросил, — Действительно так плохо выглядит?

Мо Чанкун холодно ответил:

- Ужасно.

Такого соблазнительного шизуна он никому не позволит увидеть.

□□.....

Юньчжэнь-сяньцзюнь знал, что его старший ученик никогда не обращал внимания на внешность и редко комментировал красоту или уродство других. Если Мо Чанкун говорил, что что-то уродливо, то это действительно было ужасным, как, например, облезлая собака.

Шизун поспешил смыть макияж водой и больше не верил этим девушкам, которые нахваливали его внешний вид.

Юньчжэнь-сяньцзюнь, со своей белоснежной кожей и изящными чертами лица, и без макияжа тоже выглядел очень хорошо, особенно когда скрывал всю свою энергию, становился мягким и послушным, с доброй улыбкой, словно невинный юноша.

Девушки были немного разочарованы, но Юньчжэнь-сяньцзюнь настаивал:

- Зло хочет есть плоть, румяна и косметика только портят аппетит. Я просто тщательно очищу свое тело.

Все согласились, что это разумно, и больше не настаивали.

Первый мечник принял участие, и вероятность уничтожения Пожирателя душ возросла. Он пообещал защитить Юй Линлун, и опасность для приманки значительно уменьшилась. Все

вздохнули с облегчением, напряженная атмосфера немного разрядилась.

Глава дворца Чиян ничего не говорил, но его глаза были полны благодарности к другу. Госпожа Минчжу не сдержала чувств и снова и снова благодарила Юньчжэнь-сяньцзюня, напомнив:

- Я доверяю вам свою дочь.

Юй Линлун тоже была готова. В красном платье из шелка чисяо, с мечами, спрятанными в кольце-хранилище, она была смелой и сильной, но еще юной. Впервые принимая на себя такую ответственность, она была полна страха и тревоги, пытаясь выглядеть спокойной.

Юньчжэнь-сяньцзюнь снова заверил:

- Не беспокойтесь, я позабочусь о ней.

Они направились алтарю, украшенному цветами.

Юй Линлун случайно поскользнулась и чуть не упала. Юньчжэнь-сяньцзюнь поддержал ее. Юй Линлун была так смущена и напугана, что случайно сказала:

- Спасибо, брат.

Юньчжэнь-сяньцзюнь был старше главы дворца Чиян, и это было не просто неловко, но и вызвало смех, поскольку «брат» в этих краях мог означать как родного брата, так и возлюбленного.

Ее братья, услышав это, засмеялись:

- Глупая сестра, кого ты благодаришь?

Юй Линлун, поняв свою ошибку, чуть не расплакалась от стыда.

- Ничего страшного, — Юньчжэнь-сяньцзюнь улыбнулся, чтобы сохранить ее достоинство, и сказал в шутку, — Я выгляжу моложе твоих братьев, многие ошибаются.

Братья Юй Линлун, высокие и сильные, с внешностью воинов, выглядели гораздо старше. Все засмеялись, и больше об этом не вспоминали.

Они уселись на алтарь, и ученики дворца Чиян, замаскированные под жителей деревни, подняли его и понесли к выходу из пещеры, чтобы дождаться появления Пожирателя душ.

Мо Чанкун стоял среди толпы, наблюдая за этим, и в его сердце росло беспокойство. В то время как некоторые ученики дворца Чиян шептались, рассказывая свои недалекие шутки:

- Я думал, что мечники все такие грубые, но Юньчжэнь-сяньцзюнь такой мягкий и красивый.

- Линлун-сяньцзы всегда была вспыльчивой, никогда не видел ее такой послушной перед мужчиной.

- Не кажется ли вам... что он идеально подходит нашей старшей сестре?

- Не говори ерунды, она еще слишком молода, к тому же разница в возрасте.

- Такие случаи бывали, знаете ли о Сюньян-сяньцзюне и Мяоин-сяньцзы? Старик и молодая жена...

- ...

Везде есть люди с грязными мыслями, самонадеянные и не сильно умные. Глава дворца Чиян и его жена были полностью поглощены заботой о безопасности своей дочери и не обращали внимания на других. Эти ученики, думая, что их никто не слышит, перегибали палку в своих разговорах.

Мо Чанкун не мог сдержать гнев. Он повернулся, подошел к толпе, схватил за шею самого разговорчивого ученика и поднял его в воздух.

<http://bllate.org/book/13607/1206726>